

Цзян Нин упрямо молчал, всем своим видом показывая: вытягивать из него подробности бесполезно — упрётся до последнего. Сю Гошэн с ним вечно не знал, что делать. Учителю ничего не оставалось, кроме как тяжело вздохнуть:

— Ладно, шут с тобой. Но дай слово: оценки не съедут и в школе никаких выходчек.

— Обещаю.

Такая сговорчивость даже озадачила Сю Гошэна. Он лишь махнул рукой:

— В общем, иди на урок.

Программа второго полугодия десятого класса оказалась спрессована до предела: Цзян Нину приходилось не только нагонять упущенное, но и усваивать новый материал. Время, впрочем, пролетело незаметно. Отгремели итоговые экзамены, и наступили летние каникулы. Правда, вместо положенных двух месяцев им оставили от силы один: из-за дополнительных занятий возвращаться в школу требовалось на месяц раньше.

— Столько домашней работы вывалили! Какая разница, в школе сидеть или дома? — возмущались одноклассники.

— Вот именно! А ещё твердили про снижение нагрузки!

А вот Цзян Нина такой расклад вполне устраивал. На второй же день каникул он с полным правом обосновался в кабинете Лу Чжиханя. Здесь было куда комфортнее, чем в душных и шумных школьных классах. Пока юноша разбирал задачи, Чжихань молча работал рядом.

Но в один из дней привычный распорядок нарушил звонок.

Звонили из-за границы, на экране высветилось название зарубежной клиники. Лу Чжихань на мгновение замер. Когда-то, в самый тяжёлый период жизни, он лежал в этой больнице, и, хотя с тех пор прошло немало времени, гнетущее воспоминание никуда не исчезло. Подъехав на инвалидном кресле к окну, он ответил на вызов. Из динамика раздался взволнованный голос:

— Господин Лу Чжихань, простите за беспокойство, но у нас потрясающие новости! Новая технология нашей группы прошла аккредитацию, и мы открываем набор в первую группу пациентов для клинических испытаний. Скажите, вам было бы удобно приехать на лечение в ближайшее время?

Разговор шёл на английском. Чжихань оглянулся на Цзян Нина — тот был увлечён тетрадями

и, кажется, не обращал внимания на его разговор.

На душе у Лу Чжиханя не ёкнуло. Подобные «хорошие новости» он слышал слишком часто и давно научился ничего не ждать. Вдруг на том конце провода сменился собеседник — заговорил человек почтенного возраста:

— Господин Лу, простите, что не могу дать стопроцентной гарантии, но поверьте: результаты этого исследования — беспрецедентный прорыв в медицине. Это совсем не то, с чем вы сталкивались прежде. Если всё пройдет гладко, вы сможете встать с кресла.

Из чьих-то чужих уст эти слова прозвучали бы пустой завлекалочкой, но говорил декан неврологического факультета, врач с мировым именем.

— Количество мест в первой экспериментальной группе ограничено, — добавил профессор. — Вы ещё молоды, обязательно обдумайте это предложение.

— Я обдумаю, — отозвался Лу Чжихань. — Каковы примерные сроки и график лечения?

— Чем раньше вы приедете, тем лучше, — ответил тот. — Что касается самого курса... он займёт не меньше года.

Положив трубку, Чжихань долго смотрел в окно, погружённый в оцепенение. На этот раз весть разродилась не очередным разочарованием. Он получил слишком много дурных известий за эти годы и каждый раз убеждал себя, что хуже уже не будет. Но когда на него внезапно обрушилась надежда, даже выдержанный Лу Чжихань растерялся. Ему не верилось в услышанное.

Он опустил взгляд на свои ноги, абсолютно лишённые чувствительности, и просидел так довольно долго — пока рядом не возник Цзян Нин.

— О чём задумался?

Голос юноши заставил его вздрогнуть. Чжихань медленно поднял глаза, всё ещё выглядя растерянным и отрешённым.

— Звонили из клиники.

Сердце Цзян Нина мгновенно ухнуло вниз, брови сошлись к переносью:

— Что-то не так со здоровьем?..

— Нет, наоборот, — произнёс Чжихань. — В моей прежней больнице разработали новую методику. Говорят, есть шанс вылечиться и встать с кресла.

— Правда?!

Глаза парня мгновенно вспыхнули. Обрадованный куда сильнее самого больного, он принялся кружить вокруг кресла, пока хоть немного не взял себя в руки:

— Это же... это же просто замечательно!

Словно мольба, произнесённая в ту глухую морозную ночь, наконец долетела до небес.

Чем больше надежда, тем больнее падать при неудаче — Лу Чжихань давно привык глушить в себе любые ожидания. Но сейчас, заразившись пылкой, искренней радостью Цзян Нина, он протянул руку и ласково зацепил пальцы юноши своими.

— Цзян Нин... Эта клиника в Стране А, очень далеко отсюда. И курс лечения длительный. Если я уеду, ты сможешь привыкнуть жить тут один?

Парень замер.

Ему хотелось с ходу выпалить: «Да к чему тут привыкать? Не мне же уезжать на край света!» Но тут же понял: всё не так просто. Незаметно для него самого Лу Чжихань занял почти всё его пространство. Совместные завтраки, дорога в школу и обратно, домашние занятия, разговоры по душам, прикосновения, поцелуи... В этой рутине Цзян Нин успел забыть, каково это — быть абсолютно одному. Естественно, жизнь не останавливается из-за отсутствия кого-то рядом, но мысль о долгой разлуке отзывалась в груди щемящей тоской.

— И сколько длится курс?

— От года.

Целый год. Ужасно долго.

Но если за этот год удастся вернуть ноги, разве время имеет значение? Цзян Нин лучше любого другого понимал, сколько невидимой боли и неудобств причинял Чжиханю его изъясн. Пусть внешне тот держался безупречно и делал вид, что смирился, шрам на душе затянется лишь тогда, когда исчезнет сам недуг.

— На самом деле не так уж и долго, — уверенно произнёс парень. — Не переживай за меня, я и один отлично справлюсь. К тому же сейчас есть видеосвязь и звонки — считай, всё то же самое.

— Вот только я не смогу взять тебя за руку и поцеловать...

Не дав ему договорить, Цзян Нин наклонился и прижался к его губам. Поцелуй выходил нежным, тягучим, чуточку жадным — словно юноша пытался запастись этим теплом впрок перед долгими месяцами разлуки. Когда они наконец отстранились, оба тяжело дышали.

— Я буду ждать тебя, — прошептал Цзян Нин, и голос его слегка осел.

Вечером того же дня Лу Чжихань дал официальное согласие клинике, попросив лишь две недели на завершение и передачу дел в компании.

Тем временем для Цзян Нина начался учебный год.

Атмосфера в выпускном классе оказалась несравнимо более нервной, чем прежде. Бесконечные проверочные, горы домашних заданий, а на стенах кабинета — спереди и сзади — вывесили кумачовые транспаранты с лозунгами. Цзян Нин же на всех контрольных показывал феноменальные результаты, приводя учителей-предметников в искренний восторг. Для ученика, начинавшего практически с нуля, такой взлёт казался немыслимым. А ведь речь шла о Цзян Нине — бывшем отъявленном прогульщике!

Сю Гошэн специально вызвал его к себе в кабинет и наставительно произнёс:

— Впереди целый год. Если продолжишь в том же духе, поступишь в отличный университет.

«Год». Опять эта временная мера.

— А если я хочу поступить в Медицинский колледж Университета Линьцзяна? — спросил Цзян Нин.

Учитель опешил. На лице Сю Гошэна отобразилось изумление. Для обычного класса подобная планка выглядела почти недостижимой — даже в их хвалёном экспериментальном классе единицы осмеливались замахиваться на этот факультет. Но, встретившись с тёмным, твёрдым взглядом юноши, Сю Гошэн быстро взял себя в руки. Он поднялся и с уважением похлопал парня по плечу:

— Достойная цель. Пока ты идёшь к ней, она будет вести тебя за собой — и обязательно приведёт к успеху.

Выйдя из учительского кабинета, Цзян Нин думал о простом: Чжихань так печётся о его учёбе, что наверняка и за океаном не найдёт себе покоя, если оценки съедут. Значит, нельзя снижать

планку.

Он сел за стол, раскрыл тетрадь и продолжил решать. Но мысли невольно возвращались к одному и тому же: когда похолодает или пойдёт дождь, не станет ли Чжихань снова запирается в спальне и глушить боль в одиночку, проявляя своё дурацкое упрямство?

Впрочем, парень тут же отогнал эти страхи. В зарубежной клинике круглосуточно дежурит сиделка, так что ничего подобного не случится.

— Босс, а, босс! — Занимавший переднюю парту Чжао Цзыцянь окликнул его несколько раз, а потом помахал ладонью перед самым носом: — Босс, да что с тобой? Ты с самого начала семестра сам не свой. С парнем, что ли, размолвка?

— Нет. Но отношение к нему имеет, — Цзян Нин задумчиво крутил в руках однотонную ручку, поглаживая гладкий корпус. — Ему нужно уехать. Очень далеко и надолго. А у него здоровье слабое, да ещё и характер упёртый.

Его накрывало бессилие: помочь он ничем не мог, оставалось только не путаться под ногами и не создавать проблем.

— Отношения на расстоянии? — сочувственно протянул Чжао Цзыцянь. — Да уж, врагу не пожелаешь.

Сам он ни с кем не встречался, но был наслышан, как влюблённые ругаются и расстаются из-за долгих разлук.

Цзян Нин отвёл взгляд и неопределённо посмотрел в окно. Осень вступала в свои права, становилось прохладнее, и у девчонок в классе появилось новое увлечение — вязание шарфов. Даже на пороге выпускных экзаменов они выкраивали минуты на переменах, доставая из столов спицы, крючки и мотки пушистой пряжи.

Чжихань ведь ужасно боится холода... Вспомнит ли он зимой повязать шарф?

Понаблюдав за одноклассницами, Цзян Нин поднялся и подошёл к ближайшей девушке:

— Эй...

Девушка вздрогнула и, заметив, что староста по дисциплине уставился на её недовязанный шарф, испуганно пробормотала:

— Староста, это же тоже запрещено?..

— Да нет, — Цзян Нин неловко кашлянул. — Я просто хотел узнать... где вы покупаете всё это?

Ученица застыла, а над её головой словно завис огромный знак вопроса.

Направившись по указанному адресу, Цзян Нин отыскал неподалёку от школы магазинчик подарков и рукоделия. Заведение было оформлено в розовых тонах, а на самом видном месте высились горы разноцветных мотков. Скрепя сердце он переступил порог.

Хозяйка за кассой оторвалась от телевизора:

— Выбирай, парень! Для девушки покупаешь?

— Вроде того...

Женщина, видимо привыкшая к подобным покупателям, понимающе кивнула и указала на нежные розовые оттенки:

— Вот эти смотри, девчонкам такой цвет очень нравится.

Но взгляд Цзян Нина зацепился за мягкий, кремово-миндальный тон. Чжихань любил светлую одежду.

Из магазинчика он вышел с увесистым пакетом: кроме пряжи там лежали крючки и самоучитель по вязанию. Из каких-то смутных побуждений парень не стал уносить покупки в усадьбу, а спрятал в школе. На переменах он аккуратно доставал шитьё. Выбрав по книжке один из узоров, Цзян Нин принялся осваивать петли.

— Босс, пошли в туалет... — Чжао Цзыцян повернулся и обомлел: — Ты что... вяжешь шарф?!

Парень даже век не поднял, неловко перебирая пальцами пряжу:

— А что, нельзя?

— Можно... Конечно можно!

Просто выглядела эта картина совершенно сюрреалистично.

На школьном форуме тут же выросла ветка:

«Цзян Нин вяжет шарф! Какая счастливица утащила такого парня? Признавайтесь, каково это?»

«На надо же, красавчики тоже умеют искренне любить!»

«Зачем самому ковыряться? Пошёл да купил готовый, всё равно не отличишь».

«Предыдущий оратор явно обречён на одиночество».

Впритык к отъезду Цзян Нин всё-таки сумел закончить шарф.

В аэропорту, пока помощник оформлял багаж, Лу Чжихань сидел в кресле и по привычке давал наставления:

— Не засиживайся допоздна. Всякую дрянь не ешь. В школу ходи вовремя...

Он переживал так, словно прощался с несмышлёным ребёнком. Впрочем, в его глазах Цзян Нин и впрямь оставался юным и нуждающимся в заботе.

Парень достал из пакета готовый шарф и аккуратно обернул вокруг шеи Чжиханя:

— Ты бы на себя посмотрел. Вечно меня учишь, а сам не лучше. Боишься холода — одевайся теплее.

Кремовый шарф вышел пышным, мягким и слабо пахнул лимоном. Чжихань опустил взгляд. На самом краю изделия, чуточку более светлой нитью, были вывязаны три латинские буквы — инициалы.

— Это... ты сам сделал?

— Ну да, — уши Цзян Нина вспыхнули. — На дорогие подарки у меня пока денег нет, так что...

— Цзян Нин, — перебил его Чжихань. Когда он поднял голову, в его глазах отражался свет ламп. — Обними меня.

Юноша наклонился, и Чжихань тихо прошептал ему на ухо:

— Спасибо. Мне безумно нравится. Я буду беречь его.

Вернувшийся после регистрации багажа помощник издали заметил их трогательные объятия и

тактично остался в стороне, пока по громкой связи не объявили посадку.

Самолет поднялся в воздух, прочертив в небе белую дугу. Цзян Нин долго смотрел ему вслед.

— Юный господин Цзян, скоро уроки начнутся, — напомнил стоявший за спиной водитель.

— Поехали.

Парень сел в машину, задумчиво разглядывая пустое место рядом.

В класс он успел аккуратно к началу утренней самоподготовки. Он раскрыл учебник, но строчки и формулы расплывались перед глазами.

Страну А отделяли отсюда двенадцать часов разницы во времени.

— Босс, ты сегодня без шарфа? — Чжао Цзыцянь повернулся, но, увидав отрешённое лицо Цзян Нина, мигом сдулся и отвернулся.

После уроков Цзян Нин поехал домой. В усадьбе царила звенящая тишина. Он как обычно принял душ, позанимался и лёг спать, с той лишь разницей, что мобильный положил прямо на подушку — под самую руку.

Глубокой ночью, когда весь дом погрузился в сон, телефон рядом с его ухом едва слышно завибрировал. Цзян Нин мгновенно разомкнул веки. В его глазах не было ни капли дремоты — казалось, он ждал этого звука всю ночь.

Экран высветил сообщения:

[Большой простофиля]

[Фотография]

[Большой простофиля]

[Только прилетел, еду в клинику.]

На снимке бушевал яркий день — чужой город, чужие улицы, от которых чувство расстояния становилось лишь более болезненным. Но на этот раз Лу Чжихань уехал не на пару дней, как на Новый год.

Цзян Нин набрал ответ:

[Устал?]

[Большой простофиля]

[Ты почему не спишь?]

[Большой простофиля]

[Опять гуляешь?]

[Цзян Нин]

[Ага, в интернет-кафе сижу, всю ночь за компом. Приезжай да забирай меня.]

Строчка «печатает...» замигала с бешеной скоростью. Цзян Нин легко представил выражение лица Чжиханя: тот наверняка нахмурился, недовольный такой безалаберностью, но всё равно пошёл бы у него на поводу.

Цзян Нин быстро дописал:

[Да шучу я. Уж ложусь. Спать иди.]

[Большой простофиля]

[Хорошо. Доброй ночи.]

Отправив сообщение, Лу Чжихань поднял взгляд.

— Господин Лу, прошу вас.

Больница прислала за ним машину. Клиника располагалась в тихом, уединённом месте, окружённом садом. Впрочем, из-за холодов цветы выглядели чахлыми.

В палату вошёл главврач с несколькими коллегами:

— Господин Лу, рад видеть вас! Хотите отдохнуть с дороги или сразу приступим к обследованию?

— Давайте сразу.

Цзян Нин проспал до звонка будильника и встал как обычно. В зеркале в ванной на него смотрело бледное лицо с покрасневшими от недосыпа глазами — вид довольно мятый. Хорошо, что Чжихань этого не видит, иначе извёлся бы весь.

Юноша надел форму и спустился вниз. На первом этаже стояла такая тишина, что каждое движение отзывалось эхом. За завтраком — пышным и разнообразным, несмотря на отсутствие хозяина — Цзян Нин зачерпнул любимую морскую кашу, но та едва лезла в горло.

В ушах на мгновение прозвучал заботливый голос Чжиханя: «Что с тобой? Плохо себя чувствуешь?»

Цзян Нин обернулся. Голос исчез, кресло напротив пустовало.

Он потёр переносицу и включил телевизор на финансовом канале, чтобы хоть как-то заглушить давящую пустоту. Цзян Нин и сам не понимал, откуда в нём взялась такая болезненная привязанность и страх разлуки. Когда он уходил из дома семьи Цзян, ничего подобного он не чувствовал.

Сложив книги в рюкзак, он вышел на улицу. Завидев привычный минивэн, юноша замешкался.

— Юный господин Цзян, что-то не так? — спросил водитель.

Цзян Нин бросил долгий взгляд на пустое место в салоне:

— Ничего. Пожалуй, поедem на другой машине.

— Слушаюсь.

Из гаража выкатили неприметный чёрный седан. Цзян Нин попытался вырвать себя из привычных условий, но, выходя у школы, всё равно не удержался и тихо пробормотал в пустоту:

— Я пошёл.

Ответа не последовало.

Чтобы заглушить тоску и не оставлять мысли свободных минут, Цзян Нин погрузился в учёбу с каким-то неистовством. Горы исписанных тестов росли с каждым днём, а его результаты становились всё более впечатляющими. Из-за разницы во времени парень иногда отправлял Чжиханю сложные задачи или короткие заметки обо всём подряд, а спустя время получал подробнейшие, написанные от руки разбирательства. Полноценно поговорить удавалось лишь по выходным.

По ночам Цзян Нин созванивался с ним по видеосвязи, решая задачи под ровный голос Чжиханя.

— Уже поздно, иди спать, — просил тот.

— Завтра нет уроков! — огрызался Цзян Нин. — Ты обещал подтягивать меня, так что не думай, что за границей у тебя получится отлынивать!

Впрочем, вскоре и эти редкие минуты сошли на нет.

Администрация Первой городской средней школы Линьцзяна ради показателей поступаемости урезала выходные до одного дня и перевела всех выпускников на обязательное проживание в общежитии. Напряжение в школе зашкаливало, а в углу доски появилось табло с обратным отсчётом дней до единого экзамена.

Его жизнь словно вернулась в то русло, где не было Лу Чжиханя. Но в отличие от прошлого, когда он опускал руки и катился по наклонной, теперь в конце пути его кое-кто ждал.

Цзян Нин не жаловался на спартанские условия общежития и пресную еду. Он вставал раньше всех и первым приходил в класс делать тесты. Это не было похоже на него прежнего, но, получая очередную проверочную работу, он смотрел на балл и понимал: можно ещё лучше.

На первом пробном экзамене Цзян Нин занял третье место в классе. Такой взлёт поразил всех — при удачном раскладе он мог рассчитывать на очень хороший вуз.

На втором пробном его результат оказался ещё выше, приведя Сю Гошэна в настоящий восторг.

А на третьем пробном экзамене Цзян Нин попал в одну аудиторию с Цзян Цзяюем — они сидели друг за другом.

Одноклассники посматривали на них с опаской. Хотя Цзян Нин давно не влезал в драки, история их сложных семейных отношений была у всех на слуху. Цзян Цзяюй, сидя за спиной брата и наблюдая за его сфокусированной работой над тестом, вдруг осознал: он был кругом неправ. Цветок, который он считал сорванным, не просто выжил — под чуткой опекой он расцвёл ещё пышнее, сохранив свои острые шипы.

Когда вывесили результаты третьего пробного экзамена, имя Цзян Нина красовалось на самой первой строчке общего рейтинга. Он обогнал не только свой класс, но и всех учащихся экспериментального класса!

На общешкольной линейке перед экзаменами Сю Гошэн отдал право заключительного выступления Цзян Нину.

— Просто скажи пару слов, много времени это не займёт, — уверял классный руководитель. — Справишься?

— Но у меня нет особых методик учёбы, чтобы ими делиться, — честно признался парень.

— Главное — подними дух ребятам. Говори что хочешь, никаких рамок.

— Ну ладно.

В день мероприятия, сразу после речи директора Суня, Цзян Нин вышел на сцену со скомканным листком. В отличие от своего первого неловкого выступления перед школой, юноша держался спокойно. Яркие лучи прожекторов заливали его с головы до ног, отчего казалось, будто он весь светится.

— Всем привет. Я Цзян Нин из двенадцатого «В». Извините, что отнимаю у вас время своими глупостями. Думаю, большинство из вас привыкли слышать от меня объяснительные, а не напутствия.

Зал взвыл от смеха и аплодисментов.

— Честно говоря, долгое время я ничего от себя не ждал. И оценки, и университеты казались мне чем-то бесконечно далёким... Пока не появился он.

Аудитория мгновенно затихла. Вместо скучных шаблонов про усердие запахло жареным — все навестили уши в предвкушении сплетен.

— Он верил в меня больше, чем я сам, — на губах Цзян Нина заиграла невольная, тёплая

улыбка. — Он ходил со мной за учебниками, терпеливо объяснял материал начиная с программы средней школы и всегда вставал на мою защиту. Поэтому я решил стать лучше. Чтобы, когда мы снова встретимся, каждый из нас гордился тем, кем он стал.

Закончив речь, Цзян Нин сложил листок и отвесил аудитории лёгкий поклон.

Зал взорвался оглушительными овациями и свистом — бурная реакция больше походила на финальный аккорд яркой юности.

Ректор Сунь тут же выскочил к микрофону, пытаясь замаять неловкость:

— Кхм-кхм! Так, ребята, без глупых фантазий! Ученик Цзян Нин имел в виду своего репетитора!

<http://bllate.org/book/19724/1944794>